

ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРА КАК ФАКТОР ПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ "ГОРОД" И "ДЕРЕВНЯ"

Концепты "Город" и "Деревня" отражают наиболее важные аспекты человеческого существования. Противопоставление этих концептов позволяет вскрыть отдельные их зоны, такие, как энциклопедическое и интерпретационное поля.

Ключевые слова: концепт, город, деревня, противопоставление, контекстуальный, положительная оценка, прагматичный, коммуникация.

S.V. Melikhow

AUTHOR'S CHARACTERIZATION AS A FACTOR IN REPRESENTATION OF "CITY" AND "COUNTRY SIDE" CONCEPTS

Concepts "City" and "Countryside" reflect the most important aspects of human existence. The contraposition of these concepts allows to reveal effectively their specified zones such as encyclopedic and interpretative fields.

Key words: concept, city, countryside, contraposition, contextual, appreciation, pragmatic, communication.

Оппозиция "свое – чужое" является базовым элементом когнитивного осмысления действительности, не только структурирующим фрагменты картины мира, но и формулирующим аксиологические ориентиры, формирующиеся в сознании людей. Как справедливо отметил Ю.С. Степанов, это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [5, с. 127]. Бинарную оппозицию "свой – чужой" можно выделить практически в любую эпоху в любой стране. В основе ее – универсальная для человечества эгоцентрическая позиция познающего субъекта [3]. Наиболее ярко и отчетливо данные концепты выявляются в исследованиях, посвященных сопоставлению языковых культур разных стран. В то же время высвечивание представлений, вербализующих эти концепты по отношению к сторонам действительности в пределах одного языка, дает более убедительное подтверждение фундаментальной роли указанной оппозиции. Поэтому принципиально важным нам кажется определение представлений о своем и чужом носителях языка, принадлежащих к разным полюсам единого социально-территориального пространства отдельно взятого региона. Среди выделенных З.Д. Поповой и И.А. Стерниным составляющих концептосферы языка для нашего исследования релевантным представляется уровень группы и уровень личности как мельчайшего строительного элемента единой концептосферы. Индивидуальные свидетельства носителей языка позволяют скорректировать исследование необходимыми нюансами, оказывающимися за пределами обобщения: эта сфера "свои" – "чужие" как раз такая, где само противопоставление создается не столько объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании [5, с. 127]. Характеристика автора по территориальной отнесенности наиболее явно отражается именно при сопоставлении концептов. Специфика же рассматриваемых в исследовании концептов такова, что отражаемые ими реалии концентрируют важнейшие аспекты бытия человека. Главные из отношений человека к миру преломляются в макроконцептах "жить", "двигаться", "работать", "иметь". Главнейшими параметрами макроконцепта "жить", связывающими его с суперконцептом "человек", являются параметры времени и места [6]. Указанные параметры составляют стержневое

значение в вербализации концептов "Город" и "Деревня" информантами-жителями города и информантами-жителями сельской местности, при этом могут наблюдаться существенные различия в вербализации концептов.

Общие различия между городом и деревней характеризуются городским жителем лексемой *простой* в форме сравнительной степени: *Ну там [в деревне] все проще. Ну как-то все на виду, люди дружнее, добрее.* [Авторский архив 2010]. В ряду названных признаков определения *дружный, добрый* и предложно-именное сочетание *на виду*. Город же лишен указанных выше условий деревенской жизни как более органичной, жизнь в нем менее естественная, замкнутая, ограниченная рамками квартиры: *Мне кажется, общения там больше среди домов, соседей, чем в городских квартирах.* [Авторский архив 2010]. Другой критерий – темп жизни: *Городские бегом-бегом, ну а в деревне такой уклад жизни размеренный, я так считаю.* [Авторский архив 2010]. Сельская жизнь, таким образом, подчиняется скорее природным ритмам, а городская – условным. С природным окружением связывается и характер труда, и устойчивость к усталости: *В деревне все-таки физически много работают, но там все-таки природа и, мне кажется, не так чувствуется даже эта усталость, чем в городе, от этого шума, машин и так далее.* [Авторский архив 2010]; *Ну, в общем, конечно, они трудятся намного больше физически, чем городские жители. Чтобы хорошо жить, там очень много надо трудиться – и в огороде, и с домашними животными. Мне кажется, я устаю все-таки в городе больше, чем в деревне, когда занимаюсь физическим трудом.* [Авторский архив 2010]. Говорящие косвенно и прямо отмечают, что среда не оказывает смягчающего воздействия на самочувствие человека в городе в отличие от деревни: *В деревне свежий воздух, экология. Восстановишься: свежий воздух – очень большое дело. Физический труд там, физический труд полезен. А вот отдохни здесь, в городе, в этом каменном мешке.* [Авторский архив 2010]. Сдавленность, стесненность человека в городе метафорически выражается через словосочетание *каменный мешок*. Однако в других свидетельствах можно зафиксировать совершенно иные представления: возможность усталости в городе ограничивается только условиями определенной тяжелой работы, в то время как в деревне тяжелый труд воспринимается как норма жизни: *Люди, конечно, больше устают в деревне: там больше проблем, огород.* [Авторский архив 2010]; *Люди устают больше, конечно, в деревне, потому что там работа, адский труд. Они от работы устают там. Здесь практически ни от чего не могут уставать, если только работа не такая тяжелая.* [Авторский архив 2010]. Во всех случаях частично намечается оппозиция физического и умственного труда как признаков деревенской и городской среды: *В деревне больше работы физической, а в городе, если вот кто работает умственным трудом, может, и больше устают.* [Авторский архив 2010].

Материальные условия – безусловный показатель превосходства города, это отмечается во всех свидетельствах: *Материальные условия жизни лучше, конечно, в городе. В городе магазины, бытовые условия, конечно, все-таки квартиры. Не такие у нас благоустроенные дома в деревне.* [Авторский архив 2010]; *В городе более благоприятные условия, чем в деревне, цивилизация большая, ну и больше возможностей, всяких мероприятий и всего остального.* [Авторский архив 2010]; *Лучшие материальные условия жизни в городе, потому что есть ванна, туалет, все условия, а в деревне все возможности ограничены.* [Авторский архив 2010]; *Условия лучше, конечно, в городе. Здесь все-таки в быту все: и вода, и газ, и все.* [Авторский архив 2010]; *Во-первых, здесь условия комфортабельные домашние, культурный очаг здесь больше.* [Авторский архив 2010]. Во всех случаях называются конкретные социально-бытовые реалии, отсутствующие в деревне (*магазин, квартира, садик, ванна, туалет, вода, газ*), которые обобщаются абстрактными существительными *возможность* и *условие*.

Возможности проведения досуга оцениваются разными носителями языка неодинаково. Их оценка может производиться как с учетом возрастной специфики, так и с учетом потенциальных индивидуальных особенностей человека: *Молодежи, может, лучше, конечно, в городе. А как уже более такой возраст постарше – эти люди хотят уже отдохнуть, и лучше природа, речка.* [Авторский архив 2010]; *Кому-то нужны дискотеки, а кто-то, например, жить не может без леса, собирать грибы-ягоды или зимняя рыбалка та же.* [Авторский архив 2010].

Другие носители языка дают положительную оценку только возможностям проведения досуга в городской местности: *В городе лучше проведение досуга, потому что тут есть какие-то возможности, а в деревне они практически отсутствуют.* [Авторский архив 2010]; *Досуг можно проводить и в городе, и в деревне. Более интересно, конечно, в городе. Куда-то сходить, в кинотеатр. А в деревне клуб. В деревне некуда идти.* [Авторский архив 2010]; *В городе больше культурных развлечений. А какие в деревне? Там единственно клуб сейчас, если он существует... в которых деревнях существует. В городе и театры, и кинотеатры есть.* [Авторский архив 2010]. Таким образом, противопоставление по возможностям проведения досуга осуществляется как по объективным показателям (наличие/отсутствие реалий), так и по субъективным (возраст, индивидуальные предпочтения).

Потенциально деревня является более предпочтительным местом жительства, чем город, но вербализация этого представления часто сопровождается условными конструкциями или указаниями на временную относительность: *Если б это [удобства] было, может быть, лучше было жить в деревне. Все-таки деревня живет не очень хорошо у нас сейчас.* [Авторский архив 2010]. Вместе с тем также отмечены признание удовлетворенности жизнью в городе и безусловное предпочтение деревни: *Довольна своей жизнью в городе. Удобства в городе лучше намного. Жилищные условия и работа.* [Авторский архив 2010]; *В деревне мне вообще нравится жить: там более спокойная обстановка, чем в городе.* [Авторский архив 2010]. Однако сопоставление Пскова как провинциального города с более крупным городом, например, столицей, выявляет предпочтение первого как наиболее оптимального варианта места проживания: *Жить в более крупном городе, в столице, мне было бы, я думаю, тяжело: это там движение вообще...* [Авторский архив 2010]; *Ну, в принципе, в таком городе, как Псков [жить], да. А если б я жила в Москве, это тихий ужас.* [Авторский архив 2010]. Таким образом, для городских жителей, удовлетворенных своей жизнью в городе, Псков выступает неким усреднением, промежуточным звеном между деревней и большим городом. Разочарование же в городской жизни может быть связано и с возрастом, и с ухудшающимися социальными условиями: *Раньше жизнью в городе я была довольна, а теперь нет. Сейчас уже возраст, во-вторых, работа.* [Авторский архив 2010].

В исторической перспективе город в большинстве случаев также воспринимается как более благополучное место жительства: *И в советское время старались уехать в город из деревни.* [Авторский архив 2010]. В некоторых случаях разграничиваются сферы городской жизни, которые были неодинаково развиты в советское время и после: *Если брать социальную сферу, то, может, конечно, и советское легче было: там школы, больницы. А если сферу всяких услуг, то, может быть, и сейчас легче.* [Авторский архив 2010]. Выявляется также противоречие между потенциально доступными благами и отсутствием средств к их приобретению: *Сейчас, конечно, жизнь лучше, что все появилось. Но если вот так вот взять в денежном отношении, то, конечно, если зарплаты бы были на этом уровне, как вот раньше, в советское время было бы лучше.* [Авторский архив 2010]. С другой стороны, отмечено и представление о лучших условиях жизни в деревне, чем в городе, в советское время: *В советское время, я думаю, было жить, конечно, лучше в деревне, потому что больше уделялось внимания тем же деревням, чем городу.* [Авторский архив 2010].

Перспективы развития города и деревни оцениваются городскими жителями сравнительно однозначно: *... А город развивается прекрасно: строятся дома, магазины. В деревне такого строительства нет.* [Авторский архив 2010]; *Конечно, город больше развивается, потому что тут условий для детей и для всего больше. В деревне очень проблемно.* [Авторский архив 2010]; *Не очень радужными я вижу перспективы деревни. Я думаю, что она у нас совсем "загнется", если не обратить на нее сейчас внимание. Города все поглотят – это будет ужасно.* [Авторский архив 2010]; *Будущего нет, мне кажется, в деревнях. А город растет, строится.* [Авторский архив 2010]. Вместе с тем отмечены и представления, уравнивающие город и деревню в уровне развития: *В деревне все развалится, если никаких не приложит*

усилий правительство. Будет там вообще развал. И у нас в городе ничего не появляется. Заводы никакие не работают. [Авторский архив 2010].

Жители сельской местности характеризуют современную деревню как местность, лишенную перспектив, причем семантика отсутствия прослеживается и в лексическом значении, и в морфологической структуре слов, и в синтаксической структуре высказывания, выражающей безальтернативность ситуации: *Сейчас в сельской местности живут плохо, так как для молодежи нет работы, уезжают в города, а кто остается, тот спивается.* [Архив "Устная история" 2009]. Несмотря на то, что город традиционно мыслится как средоточие несвободы, контекст речи деревенских жителей демонстрирует иную картину: *Уехали из деревни в город. Честно сказать, папа не хотел идти в колхоз, поэтому и уехали!* [Архив "Устная история" 2009]. Переезд в город, обретение частной жизни в этом контексте становится ценностью для сельских жителей, но в самом высказывании посредством модальных слов выражается и своеобразный этический комментарий, сопровождающий оправдание поступка. Особенность положения деревенского жителя в городе получает отражение и в общественной оценке его статуса: *Когда пришла я пенсию оформлять, то мне в отделе кадров сказали: "Вы, наверное, одна такая в городе, что одна только запись трудовая". Я 43 года отработала в общепите. Вначале не нравилось, а потом привыкла.* [Архив "Устная история" 2009]. Здесь актуализируется традиционность мировидения сельского жителя, осознание закреплённости его за определенным местом, поскольку ментальность деревни направлена на поддержание ее устойчивого уклада. Человек тут не ждет быстрой смены событий [3]. Советское время характеризуется как благоприятное для жизни в сельской местности прежде всего по признаку трудоустройства: *Построила дом, вышла замуж и продолжала работать в Гулятьях заведующей сельским домом культуры, а потом секретарем сельского совета до ухода на пенсию.* [Архив "Устная история" 2009], – и жизнь в данных условиях воспринимается относительно стабильной. Благополучие в городе связывается бывшим сельским жителем с социальными условиями: *Конечно, теперь лучше жить. Теперь я на пенсии, пенсии добавляют. Я примерно жизнью довольна.* [Архив "Устная история" 2009].

Таким образом, противопоставление города и деревни позволяет эффективнее вскрыть определенные зоны концепта, такие, как, например, энциклопедическое поле, в частности, его описательную зону, куда входят многочисленные признаки, характеризующие различные свойства и проявления предмета и явления, сведения о которых получены людьми в процессе приобретения общественного и личного опыта, в ходе познания явления или предмета [4, с. 174]. Еще более информативным противопоставление является для анализа оценочной, утилитарной и регулятивной зон интерпретационного поля концепта. Общая оценка – обязательный элемент любого высказывания на предмет сравнения подобных явлений и объектов, важный элемент отражения субъективного восприятия. Утилитарная зона объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к концептуализируемому явлению, отражающие знания, связанные с возможностью и особенностями использования предмета или явления людьми для каких-то практических целей [4, с. 176-177]. Находясь в пределах города и находясь в зависимости от его систем, носитель языка не может поставить себя вне своих личных интересов и неизменно осуществляет оценку отдельных явлений с позиции выгоды для себя. Наконец, в связи с оценкой и элементом прогнозирования актуализируется регулятивная зона, объединяющая когнитивные признаки, предписывающие, что следует и что не следует делать с предметом или явлением в сфере, покрываемой концептом [4, с. 176-177]. В данном случае это, с одной стороны, сфера сельского хозяйства, с другой – многообразные социальные системы города.

Относительно специфики коммуникации, ее масштабов в деревенской и городской среде можно сделать вывод, сходный с заключением В.Е. Гольдина о специфике сельской культуры. Своеобразие этой [сельской] культуры получает яркое выражение в ее когнитивной стороне: в предельно высокой степени общности информационных баз членов одного сельского коллекти-

ва; в мифологическом характере миропонимания, в специфике выражаемой диалектом картины мира; в составе зон актуального внимания сельских жителей, в фокусе их культуры, направленном преимущественно на семью и соседей, на дом, домашнее хозяйство, сельские промыслы, природу; в тематической дистанции, на которую принято допускать "чужого" собеседника (в сельском общении эта дистанция, как известно, значительно короче, чем в городской культуре коммуникации) [1]. Городские же жители, ввиду специфики заключенных в самом топосе черт, позволяют быть фокусу своей культуры достаточно широким: иными словами, горожане не столь категоричны в разграничении "своего – чужого", проявляют хорошую осведомленность об общей ситуации, что, несомненно, питается богатыми возможностями использования информационных ресурсов. На периферии внутренней формы слова "свое" скрывается возможность переворачивания. С этой точки зрения "свое" предстает как слишком "свое", делающее нас странными для себя самих, несвободными внутри самой "свободы" [2]. Наряду с возможностью такой модели мышления можно предположить, что деревня до сих пор подсознательно мыслится как "колыбель русской цивилизации", с этим связаны особенно выразительные контексты представлений о сельской местности. Тем не менее, вынося суждения о деревне, городские жители дистанцируются от нее, а живя в городе "здесь и сейчас", не в состоянии вычленив из своего восприятия отдельные черты с достаточной степенью конкретности. Сельские жители, напротив ввиду узкого фокуса своего социального взаимодействия отличаются хорошей информированности о "своем".

Литература

1. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения ч.-кор. Р.И. Аванесова. М., 2002 // [Электронный ресурс] <http://sarteorlingv.narod.ru/communication/dominant.htm>
2. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. №2 // [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html>
3. Квакин А.В. Архетип, ментальность и оппозиция "свой-чужой" в контексте истории // "Наши" и "чужие" в российском историческом сознании: Материалы научной конференции, 24-25 мая 2001 г. С.-Петербург, 2001. С. 102-108 // [Электронный ресурс] <http://akvakin.narod.ru/Documents/mif.doc>
4. Стернин И.А. Структура концепта // Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж, 2008. С. 172-184
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001.
6. Убийко В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник ОГУ. 2004. №5 // [Электронный ресурс] http://vestnik.osu.ru/2004_5/6.pdf